

политическими взглядами», в числе которых фигурировали и ведущие сотрудники лаборатории) она была ликвидирована.

В 1984 г. перед Ф.Т. Михайловым открывают свои двери Институт философии АН СССР (ныне – РАН), где он работает в должностях старшего, главного научного сотрудника, заведующего проблемной группой «Философия самосознания». На этом, завершающем, этапе своей научной биографии он создает свою концепцию обращений, которая, по его мнению, призвана лечь в фундамент «общего человекознания».

Биография Ф.Т. Михайлов не просто вошла в новейшую историю наук о человеке. Эта история творилась внутри нее.

В поисках главного слова

Ф.Т. Михайлов, будучи последовательным сторонником Э.В. Ильенкова, не сомневался в объективности идеального, противостоящего индивидуальному сознанию как особая реальность феноменов, в наиндивидуальном характере «объективных мыслительных форм» (К. Маркс), которые имеют естественноисторическое происхождение и в этом плане ничуть не подвластны капризам воли индивида. Но при этом он прекрасно понимал, что идеальные формы культуры – всеобщие меры человеческого отношения к любому мыслимому содержанию обретают свою действительность лишь в актах живого *обращения* людей друг к другу (это и есть то «главное слово», которое произнес Ф.Т. Михайлов уже в «Загадке»).

Концепция обращений, помимо уже упоминавшейся монографии Ф.Т. Михайлова «Общественное сознание и самосознание индивида», получила свое отражение в его книгах «Избранное» (2001) [13] и «Самоопределение культуры» (2003) [14], в коллективных монографиях «Самосознание: мое и наше» (1998) [17], «Человек как предмет и субъект медицины» (1999) [21], в серии статей в журналах «Вопросы философии», «Философские науки» (где в последние годы он публиковался особо активно), в других изданиях.

«Соль» философии и «суть» философской, теоретической психологии Ф.Т. Михайлова – едины, ибо, как исторически, так и логически, неразделимы для него эти две формы рефлексии человеческого духа, человеческой культуры. Они - в идее смыслопорождающего обращения (вести-речи-посыла) к миру другого человека с надеждой на добрый, умный, эстетически выразительный и непременно искренний, подлинный (буквально: оригинальный, творчески) *отклик*.

В этом аффективно насыщенном, экспрессивном обращении-посыле целостная конструкция нашей субъективной реальности не просто объективируется, но каждый раз

заново строится, реорганизуется по его законам. Именно в логике таких обращений творится история человеческой культуры. А мы по-прежнему почитаем высшей добродетелью трактовать культуру как нечто безличное, безадресное и деавторизованное. Разумеется, эти обращения с необходимостью принимают *каноническую форму* в виде норм нравственности, научности, эстетических идеалов и т.д., кристаллизуясь в творениях культуры – научных текстах, произведениях искусства, технических изобретениях и т.д., но при этом никогда не утрачивают своей первозданности, и непосредственности (по словам Феликса Трофимовича «душа не знает посредников»). Именно в качестве их содержания получают живой смысл универсальные меры Мыслимого - всеобщие категории нашего мышления (бытие, противоречие, развитие и др.), а значит, оживает и та общемировая реальность, которую данные категории теоретически выражают.

Человеческие предметы созданы людьми и для людей, а значит - всегда «со значением». Уже физическая форма стула «подсказывает» усталому путнику: присядь, отдохни [12]. Это - *идеальная* «подсказка», ее форма стула сохраняет и тогда, когда Вы на нем не сидите. Не для Вас - так для кого-нибудь другого. Таков посыл и конструктора стула, и столяра, и даже плотника, особым образом обрабатывающего дерево *для стула*, который предназначен *для сидения* (недаром появилась новая специализация – «столяр-плотник»). Разумеется, это - посыл адресуется не просто от «личного имени» трех специалистов: за ним стоит многовековая культура работы с деревом, ее образцы и нормы. Предметность такой культуры - образцы мебели, технологии ее изготовления, технические стандарты и др. Она и фиксирует в себе «значение стула» в обобщенной форме, которое опредмечивается в отдельных изделиях. А люди, не посвященные в профессиональные тонкости, сразу воспринимают это значение «пятой точкой» И воспринимаем адекватно: сия точка сразу «интуитивно», но на удивление достоверно определит, если технические нормы в каком-то звене технологической цепи были нарушены. Ее не обманешь.

Значение слова «снег» первоначально воплощено не в самих по себе замерзших водяных кристаллах, а полозьях саней и лыжах. Там оно зафиксировано идеально. Да и лыжные мази рассчитаны на определенные температуры, от которых зависит состояние снега. Что общего между мазью и снежинкой? Их бы до времени предполагаема, идеальна, пока человек не встал на лыжи, ходовые качества которых она реально задает.

Равным образом, язык – не просто система знаков, а семиотический инструмент оформления мыслью и адресации другому человеку (даже если этот другой – ты сам) дотоле неоформленного и безадресного потока потенциально «значащих переживаний» (Ф.В. Бассин).

Ф.Т. Михайлов трактует обращение и как механизм порождения культуры, и как механизм ее развития (преобразования), и как механизм ее освоения в онтогенезе.

Слеза комсомолки Маши и «волшебная сила искусств»

Я остановлюсь на одном частном, анекдотическом эпизоде из жизни Ф.Т. Хотя таких эпизодов в его биографии не счесть числа, этот по-своему примечателен. Передаю со слов рассказчика – самого Ф.Т.

Как уже рассказывалось, полвека назад молодой Ф.Т. работал доцентом во Втором мед.институте, преподавал философию (в конце жизни он вернулся туда заведовать философской кафедрой). Предмет идеологический. И вот на экзамен присылают инструкторшу из райкома ВЛКСМ, некую Машу – «дуру первостепенную», как охарактеризовал ее Ф.Т. Значит, надо было достичь особых отличий в этом, чтобы юной даме-комсомолке получить такую характеристику из уст деликатнейшего, обходительнейшего, нежнейшего Ф.Т. Студентка тянет билет с вопросом о том, что такое личность. Готовится и выдает, в общем, верное - что-то вроде: Личность – это человек, который живет интересами других, объединяя их и выражая суть той эпохи, в которой все они живут вместе. Примеры личностей: Шекспир, Бетховен, Пушкин, Эйнштейн...

Тут оживляется гостья из райкома: - Хорошо, а вот я, к примеру, являюсь личностью?

- А кем вы работаете? – интересуется студентка.

- Я работаю инструктором райкома ВЛКСМ, - произносит гордо Маша.

- Ну что вы! Я же сказала, личности – это Шекспир, Бетховен, Пушкин, Эйнштейн...

Инструкторша Маша покинула экзамен с поджатыми губками. А потом написала отчет о результатах идеологического контроля, подпустив обиженную слезу (примерно, кроме выделенной концовки): «Доцент Ф.Т. Михайлов распространяет на своих занятиях взгляды, согласно которым *ответственные комсомольские работники не являются личностями*». Вероятно, не соответствуя Маша характеристике Ф.Т., она смогла по ответам студентов уловить куда более серьезные, идеологические крамольные «вольности», которые он допускал на своих занятиях. Но запало именно это.

Какой бы ни была Маша, ее, конечно же, спровоцировала студентка. Что студентке Шекспир? Личность. А она Шекспиру? То же, что ей Маша. Где студентка, а где Шекспир? Тогда нужен ли Шекспир?

Только у Шекспира актер плачет о какой-то Гекубе, которая, по понятным причинам, не подозревает о существовании актера. Что они друг другу? Ничего, если не

понять, что актерскими слезами плачет сам Шекспир. Плачет по страданию вообще – прошлому, настоящему, будущему. По тем, кто еще не родился и не страдал. Потому он – личность.

Уже не только все давно известно (из известного), но и давно пережито. До нас. Пережито *не так*, но именно *то*, что переживаем мы. Драматург поставил точку в рукописи, композитор захлопнул крышку рояля, художник нанес последний мазок – все, пережито. И не пережито – покуда не войдет в опыт всех и каждого, если ему суждено заново пережить. И кажется правдой Гекуба, и даже верится Пушкину, что Сальери отравил Моцарта, а Репину – что Иван Грозный убил своего сына. А правда одна – наши текущие переживания, поток которых подхватил авторское и приобрел особую оформленность.

Наша Таня горче плачет, чем все Тани, уронившие в речку мячик, вместе. Или даже не уронившие. Поэтому утешение приходит к ней первой. А ее не тонущий в речке мячик оказывается успокоением для сотен Танечек, которые оплакивают не мячик, а что-то другое.

Да простит мне читатель мое пространное рассуждение, но в «волшебной силе искусства» проступает объединяющее начало культуры, как его видел Ф.Т. Михайлов.

По Ф.Т., любое человеческое действие, любая мысль, любой образ, любое чувство приобретает культурную форму (а в иной - все это просто не существует) в силу того, что наполняется смыслом общезначимого *обращения* к другим людям. Если даже человек что-то делает, о чем-то думает, что-то представляет, что-то чувствует, оставаясь наедине с собой. Более того, действие, мысль, образ, чувства становятся возможным благодаря тому, что изначально являются обращениями. Эйнштейн не просто рассматривает классическую механику как частный случай в своих построениях, а указывает на границы той картины мира, которая была универсальна для Ньютона и всех тех, кто разделял его мировоззрение. Теория относительности – это обращение. В череде таких обращений, пишет Ф.Т., рождается и живет *феномен культуры*.

Я потерялся в лесу, но нашел выход. Нашел и вдруг подумал о других людях, которые тоже могут заблудиться. Я их не знаю и знать не могу. Возможно, они еще только собираются в лес. А я, уже предвидя их проблемы, наношу зарубку на дерево – знак. ...Все же, они заблудились в чащобе. Но вот увидели оставленный для них знак. И просто пошли в нужном направлении, без всяких благодарностей в адрес человека, о существовании которого могли лишь предполагать. Тут и не нужно благодарить, тут нужно просто выбираться. Я обратился к ним – буквально, обернулся, как герой мифа или сказки, в знак. Знака достаточно. В нем я превращаюсь, в свою, говоря философским

языком «всеобщую форму». Но когда-нибудь и мои спасенные выручат меня в подобной ситуации. Не они - так другие. Мы не зная друг друга лично, станем небезразличными друг другу.

На простеньком примере мы увидели, «как работает» механизм культуры – обращение.

Ф.Т. Михайлов – родом из Чимкента (Шымкента), окруженного южно-казахстанскими степями. Степное пространство не знает пустот, обмеряемых расстояниями «от столба до столба», как бы сказал Иван Ильин. Его заполняет *голос*, который одновременно выполняет в нем и функцию мерки. *Бір шақырым жер*, говорят казахи, что буквально означает расстояние на земле (*жер*) в один (*бір*) голос (*шақырым*). Так измеряли расстояние в степи. Но голос – не просто мерка, а зов, обращение к значимому ближнему в расчете на отзыв – заинтересованный и выразительный. На встречное адресное обращение к тебе, для кого-то тоже очень важному и значимому. И только поэтому голос становится меркой, знаком *согласия*, как минимум, двоих. Великую степь объединяли голоса. В том числе – голоса акынов. В адресных потоках взаимных обращений, «зовов-отзывов» (не только вербальных), выражающих жизненную необходимость людей друг в друге и рождается человеческая общность. В этом – смысл концепции обращений, которую создал уроженец Казахстана Феликс Трофимович Михайлов.

Уильям Сароян однажды написал: «Я не верю в расы. Я не верю в правительства. Я вижу жизнь в единственном числе и в одном времени. Миллионы жизней одновременно, по всему свету. Младенцы, не умеющие говорить ни на одном языке, и есть единственная раса на земле, род человеческий, все остальное, то, что зовется у нас цивилизацией, ненавистью, страхом, жаждой власти - притворство. Но дитя есть дитя. Братство людей - в детском плаче».

Младенческий плач, добавлю: и все доречевые вокализации (гуление, смех и т.д.), важнее языка, который всегда национален. Язык «вписывает» человека в относительно небольшую группу людей и отсекает от большой, урезая образ мира до того, что можно на нем высказать. Национальный язык остается человеческим и человечным настолько, насколько материнская песня, спетая на этом языке, отзывается на плач ребенка. Тогда язык становится по-настоящему родным. Еще до знания и понимания, в переводе на первозданные эмоции. Результатом этого «перевода» является рождение смутных, но уже ключевых, смыслов. Только став родным, предельно личным и запредельно универсальным одновременно, язык приобретает для ребенка характер национального.

Шекспир, Бетховен... Мать и дитя, их *взаимные* обращения друг к другу в виде

плача и материнской песни – вот на чем стоит человеческий мир.

Е.О. Смирнова и Г.Н. Рошка [18] однажды поставили эксперимент над младенцем, (которому Ф.Т. Михайлов [11] придавал фундаментальное значение). А младенец ответил «экспериментом» по «очеловечиванию взрослого».

Дом ребенка, дети в нем испытывают острейший дефицит жизненно важного – непосредственно-эмоционального общения со взрослым (М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин). Патронажная сестра успевает справляться лишь с «уходом-присмотром» за десятками переданных в учреждение малышей. И вот к психологу-экспериментатору приносят младенца.

На столе у психолога разные игрушки, а среди них – белая машинка. Психолог берет машинку и начинает демонстрировать ему ее возможности – возит по столу, показывает, как крутятся колесики, предлагает малышу самому попробовать, что можно делать с машинкой. Все это сопровождается улыбками, теплым разговором, словесной поддержкой, нежными прикосновениями больших рук к маленьким ручонкам, которые учатся у больших премудростям манипуляций с машинкой. Это – событие для малыша, с ним никто из взрослых еще не вступал в такие отношения. И машинка – уже не просто предмет совместных манипуляций, а повод для общения. Точнее – настолько предмет, насколько повод.

Через пару недель – новая встреча. Те же участники, тот же стол, та же белая машинка. Но психолог берет другие игрушки. И тоже что-то демонстрирует малышу, но занимает при этом отстраненную, нейтральную позицию. Ни улыбок, ни ласковых слов, просто показ. Ребенок в растерянности. И вдруг он со всей силы бьет кулачком по столу, рядом с машинкой. Машинка летит на пол. Буквально знаковый удар.

Если хотите – протест против «бесчеловечности» ситуации. И попытка обратить внимание взрослого на то, что тогда *сблизило по-человечески...* Вернуть ситуацию человеческого сближения, продолжить *то*. общение. Другие игрушки, судя по всему, для этого непригодны. Вот окажется в твоих взрослых руках белая машинка и снова произойдет чудо... Стань же человеком!

«Уникальная способность человека совершать целесообразно произвольные действия, обращенные к сочувствию других людей с надеждой на взаимопонимание, к свободному событию с ними как к бытию добра, бытию нравственному, – вот начало и высшая ценность человеческой истории и культуры!» [14, с. 42] .

Загадка человеческого Я – разгадка человеческого «обращения»...

1. *Бахтин М.М.* Марксизм и философия языка. М., 1929.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. М., 1929.
3. *Бахтин М.М.* Рабле в истории реализма. Канд. дис. М., 1946.
4. *Волошинов В.Н.* Фрейдизм. Критический очерк. М., 1927.
5. *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. М., 1928.
6. Взаимоотношения детей в совместной деятельности / Под ред. Ф.Т. Михайлова. М., 1981.
7. Методологические проблемы психологии личности / Под ред. Ф.Т. Михайлова. М., 1981.
8. *Михайлов Ф.Т.* Загадка человеческого Я. М., 1964.
9. *Михайлов Ф.Т.* Загадка человеческого Я. 2-е изд. М., 1976.
10. *Михайлов Ф.Т.* Общественное сознание, индивидуальное сознание. Докт. дис. М., 1986.
11. *Михайлов Ф.Т.* Общественное сознание и самосознание индивида. М., 1990
12. *Михайлов Ф.Т.* Избранное. М., 2002.
13. *Михайлов Ф.Т.* Самоопределение культуры М., 2003.
14. *Михайлов Ф.Т.* Проблема метода культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2.
15. *Михайлов Ф.Т., Царегородцев Г.И.* За порогом сознания. Критический очерк фрейдизма. М., 1961.
16. Психологические проблемы нравственного воспитания / Ред.-сост. Ф.Т. Михайлов. М., 1977.
17. Самосознание: мое и наше / Ред. Ф.Т. Михайлов. М., 1998.
18. *Смирнова Е.О., Рошка Г.Н.* Роль общения со взрослым в развитии предметно-манипулятивной деятельности ребенка на первом году жизни // Вопр. психол. 1987. № 3
19. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1981.
20. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1994.
21. Человек как предмет и субъект медицины / Ред. Ф.Т. Михайлов. М., 1999.
22. Юбилейное интервью Ф.Т. Михайлова журналу «Вопросы психологии» (беседу ведет В.Т. Кудрявцев) // Вопр. психол. 2005. № 3.